

高等学校教材

РУССКИЙ ЯЗЫК ЧТЕНИЕ

ДЛЯ
КУРСА V П

俄语阅读

外语教学与研究出版社

高等学校教材

Русский Язык

Чтение
для V курса
(I)

俄语阅读
(五年级用)
(I)

上海外国语学院俄语系编

外语教学与研究出版社

主 编

胡宏骏

参加编写者

达曼华

主 审

倪 波

俄语阅读

(五年级用)

(I)

上海外国语学院俄语系编

外语教学与研究出版社出版

(北京外国语学院23号信箱)

北京万泉印刷厂排版

河北三河印刷厂印刷

新华书店北京发行所发行

全国各地新华书店经销

开本 850×1168 1/32 12.375印张319千字

1985年9月 第一版 1985年9月 河北第一次印刷

印数 1—3600册

书号: 7215.70 定价: 2.10元

前 言

本书为高等学校俄语专业五年级阅读课教材，分Ⅰ、Ⅱ两册。

Ⅰ册供上学期使用，编有18课（每周一课），Ⅱ册供下学期使用，编有9课（每周一课，因写毕业论文，上课仅8—9周）。五年级阅读课每周2—3学时。

五年级阅读课的任务是：开阔视野，扩大知识面，培养独立工作能力，进一步提高理解力和阅读速度，并掌握一定数量的语言材料。

为了适应新的要求，本书全部选用当代作品和文章，体裁、题材多样，内容新，语言材料丰富实用。

本书部分课文作了删节。每篇课文均有练习和作业，有的课文并有注释。每册书后附有该册各课需要掌握的词汇、词组、成语、句子的总表。

本书练习和作业，根据五年级阅读课的任务作了相应的安排。首先，要求掌握的语言材料限于课文中常用的、积极的词汇、词组和句子，不作任何扩展。采用的作业形式主要是俄汉语对比、词汇归纳和记住句子等，并要求做一些卡片。有关课文内容的作业，大多要求通过对材料的分析、综合来说明和回答。此外，还有修辞和作品分析的作业，以帮助加深理解课文。教材中提供的练习和作业较多，教师可根据具体情况选择使用。

学生应在课前阅读课文，90分钟读完1—2遍，并能口头和

书面复述课文主要内容。

本书在编写过程中曾得到顾霞君、朱丽云同志的帮助，在此谨致谢意。

本书经教育部高校外语教材编审委员会审查通过，参加审稿的有：赵辉同志（北京外国语学院）、姜秀文同志（北京外国语学院）、梁克家同志（北京外国语学院）、赵陵生同志（北京外国语学院）、林宝煊同志（黑龙江大学）、龙翔同志（黑龙江大学）、李广庭同志（北京大学）、周春祥同志（北京师范大学）、吕国军同志（北京第二外国语学院）、王恩圩同志（南京大学）、诸葛苹同志（南京大学）、冀刚同志（华东师范大学）吴健如同志（厦门大学）。

限于我们的水平，加以高年级阅读课是新开设的课程，编写教材缺乏经验，本书一定会有不少缺点，希望使用本书的教师、学生和其他读者提出批评和建议。

编 者

СОДЕРЖАНИЕ

1. Рапорт (1) — Б. Никольский	1
2. Рапорт (2) — Б. Никольский	19
3. Размышления о науке и об ученых — Л. Седов	37
4. Ожидаются похолодание и снег — В. Солоухин	62
5. Рабочая эстафета — А. Шакшин	80
6. Дома — Г. Георгиу	100
7. (1) Соискатель — М. Левитин	119
(2) Ну, и что? — М. Смирнова	129
8. Утренняя улыбка — Г. Панизовская	134
9. Триумвират — Б. Раевский	151
10. Деревенские рассказы — С. Воронин	175
Наставник	175
Мировая	185
11. Человек в мире техники и техника в мире человека — Т. Длугач	195
12. Зачем её беречь — О. Бароян, А. Лепихов	216

13. Названный зять — Р. Султангареев	237
14. Дети беды и дети благополучия — А. Котовщикова	259
15. Возвращение к себе — В. Шорор	279
16. На этой земле . . . — Ю. Убогий	302
17. От этих весей Русь пошла — Ф. Абрамов, А. Чистяков	327
18. Петров и Никифоров — В. Логинов	349
Слова, словосочетания, фразеологизмы, конструкции и предложения для усвоения	373

УРОК 1

РАПОРТ (1)

Борис Никольский

1

Первый раз он остался один в кабинете, который отныне становился его кабинетом и в котором ему, вероятно, предстояло провести теперь немало дней. Несколько минут он сидел молча, неподвижно, откинувшись на спинку стула и положив обе руки ладонями вниз на поверхность просторного письменного стола. Стекло, которым был накрыт стол, холодило ладони. Стол сейчас был чист и пустынен, как подготовленное к игре хоккейное поле, — эту его нетронутость, чистоту нарушал только перекидной календарь, одиноко приткнувшийся с краю. Вчерашний листок был не перевернут.

Майор Трегубов перевернул листок, шумно прихлопнул его ладонью.

Майор засмеялся — просто так, без всякого повода, от хорошего настроения. Он не чувствовал усталости, несмотря на то, что последние три дня провёл на ногах, в постоянном напряжении, — что ни говори, а принять полк — это не шуточное дело. Но все эти три дня его не оставляло особое острое ощущение полноты жизни, собственной удачливости и молодости. Майор Трегубов всегда был жизнелюбивым человеком, но, казалось, никогда ещё он не чувствовал так сильно и осязаемо уверенности в своих силах, вкуса к жизни. Оно, это ощущение, усиливалось ещё и оттого, что свою службу Трегубов начинал именно в этом полку, и хотя с тех пор многое изменилось,

много, как говорится, воды утекло, пришли новые люди, всё равно его теперешнее назначение сюда было похоже на возвращение в свою лейтенантскую молодость. Впрочем, он и сейчас был ещё молод, пожалуй, даже слишком молод для командира полка. Сегодня он несколько раз ловил на себе пристальный, испытующий взгляд командира второго батальона майора Воронова. Комбат-два тоже был молод, но всё же на год старше Трегубова, его батальон был на отличном счету, лучший батальон в полку, ещё ротным Воронов получил орден Красной Звезды, — и теперь, глядя на нового командира полка, он словно сравнивал, словно прикидывал: а не мог бы и он, Воронов, оказаться на месте Трегубова? Наверняка ему в голову приходили такие мысли, и он не скрывал этого, не стыдился и не опускал глаз, и этот его испытующий, оценивающий взгляд понравился Трегубову. Поменяйся они местами с Вороновым — он бы сам смотрел и думал так же. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом — эта старая истина всегда была по душе Трегубову. Больше всего он не любил людей вялых, неуверенных в себе, к тому же свою душевную робость нередко именующих скромностью, — ни в чём нельзя на них положиться.

Оба они, и майор Трегубов, и майор Воронов, даже внешне были похожи друг на друга: оба широкоплечие, приземистые, однако вовсе не малорослые, только майор Воронов был белобровым и белоголовым, как деревенский мальчишка, выгоревший на солнце, а у майора Трегубова на тёмных висках уже отчётливо проглядывала седина — сесть он начал очень рано, когда ещё носил лейтенантские погоны.

Осторожно тренькнул телефонный аппарат на тумбочке, справа от стола, и майор Трегубов поднял трубку.

— Слушаю, майор Трегубов, — сказал он.

— Товарищ майор, говорит Ломов. Позовите полковника Коновалова.

Голос был уверенный, хорошо поставленный голос.

Как-никак — директор пусть небольшой, но зато единственной фабрики в поселке. Начальник.

— Полковника Коновалова здесь нет.

— А где он, если не секрет?

— По всей вероятности, дома.

— Да что вы мне говорите! Я знаю полковника Коновалова не первый год, и ещё не было случая, чтобы в это время он вдруг оказался дома!..

— И тем не менее думаю, что он сейчас дома.

— Он что — болен?

— Нет, его переводят на другую должность.

— Ах, вот оно что! А кого же на его место?

— Да вот прислали тут одного майора, — весело сказал Трегубов.

— А как его фамилия?

— Майор Трегубов.

На другом конце провода наступила тишина, майор ждал, беззвучно посмеиваясь. Сегодня он мог позволить себе подурачиться, мог позволить и простить себе внезапно накатившее ребячество.

— Извините, товарищ майор, — несколько смущенно проговорила трубка.

— Пожалуйста, за что же? .. — сказал Трегубов. Не спеша он положил трубку.

Говорят, полковника Коновалова любили в полку. Любили или просто привыкли к нему? ..

Позавчера Трегубов оказался свидетелем того, как разговаривал полковник Коновалов с лейтенантом из третьего батальона. Разговор шёл о квартире, вернее о комнате, которую просил лейтенант. Видно, для лейтенанта этот разговор с командиром полка был последним шансом, последней надеждой, видно, он долго колебался, прежде чем решился обратиться к полковнику, — у лейтенанта вздрагивали по-мальчишески пухлые губы, и красные пятна от волнения проступили на скулах. И чем яснее становилось, что разговор этот бесполезен, напрасен,

тем настойчивее и отчаянней повторял он свои доводы: жена, маленький ребёнок, надоело, сколько же можно, обещали ведь... Полковник же был резок, даже груб.

— Вам все готовенькое подавай, — говорил он. — А вы бы лучше подумали, как мы жили — в землянках, в сараях — и не жаловались! А вы все ноете! Чуть что — ультиматумы предъявляете! Кому ультиматумы-то предъявляете? Сами сообразите! Мне, что ли? Да нет, народу нашему. Народу-то и так, к вашему сведению, содержание наше дорогонько обходится. А вам ещё квартиру с теплой уборной немедленно подавай! Служба вам не нравится — так прямо и скажите!

Майор Трегубов, конечно, молчал, не вмешивался в разговор — позавчера он был ещё лишь наблюдателем, лишь игроком на скамейке запасных, ожидающим своего выхода на поле. Он мог лишь примериваться, лишь прикидывать, что бы он сделал на месте того, кого ему предстояло заменить. Он слушал, что говорил полковник, а сам мысленно произносил совсем иные слова, прикидывал — каким тоном он сам стал бы говорить с лейтенантом. Тогда же он отметил про себя, что надо не забыть этого лейтенанта, надо будет вызвать его к себе, поговорить...

Вообще, майор Трегубов с недоверием и снисходительным пренебрежением относился к той, уже уходящей теперь в прошлое, категории военных, которые были твёрдо убеждены, что в работе с подчинёнными без властного окрика, без повышенного тона, без начальственного разноса, а то и без крепкого слова не обойтись. Такие люди охотно подхватывают речи о революции в военном деле, о техническом перевооружении армии, но словно забывают или не учитывают того, что изменение технической оснащённости армии, повышение интеллектуального уровня рядового солдата непременно повлечёт за собой и изменение дового солдата непременно повлечёт за собой и изменение стиля взаимоотношений между командирами и подчинёнными: повышение технической культуры невольно влечёт

за собой и повышение культуры поведения. Иначе говоря, в армии должен появиться и уже появляется новый интеллигентный стиль отношений между людьми. Майор Трегубов любил порассуждать, поспорить на эту тему, это был его «конек», — одно время он всерьёз увлекался психологией и даже подумывал, не заняться ли ему научной работой. Для многих его приятелей его быстрое продвижение вверх по служебной лестнице оставалось загадкой, они объясняли его лишь везением, счастливым стечением обстоятельств, но сам-то Трегубов в глубине души верил, что именно его пристрастие к науке, современный взгляд на работу офицера, командира и обеспечили ему успех. И он, пожалуй, был не так уж далек от истины.

Трегубов давно приучил себя не повышать голоса и оставаться спокойным даже в самой напряженной, нервной обстановке. — Это далось нелегко, но зато он чувствовал, как выигрывает, когда оказывается теперь рядом с раздражёнными, кричащими, суеязящимися людьми. И, кроме того, он знал, что если когда-нибудь наступит такой момент, когда всё же появится необходимость повысить голос, когда обстоятельства вынудят на кого-то прикрикнуть, с кем-то обойтись круто, — уж это произведёт должное впечатление, будьте уверены. . .

Трегубов прошёлся по кабинету, словно приноравливаясь к нему, от стены к стене, и ещё раз от стены к стене — придётся, придётся померить ему этот кабинет шагами, придётся не раз поломать голову в одиночестве. . . Не один, не два человека доверены ему, шутка ли сказать, — полк!

Остановился у окна. Из окна штаба была видна трехэтажная кирпичная казарма, аллея с фанерными плакатами-призывами по сторонам, была видна часть стадиона, скрытого за разросшимися деревьями, и солдатский клуб с красным полотнищем над входом. Человеку гражданскому все военные городки, вероятно, кажутся на одно лицо, да и какое тут может быть разнообразие, когда всё

заранее определено, оговорено и уставом, и наставлениями, и инструкциями вплоть до количества «посадочных мест» в солдатской уборной. Но опытный глаз, глаз военного человека, сразу улавливает, сразу угадывает те, казалось бы, незначительные мелочи, которые отличают один городок от другого и порой лучше всяких характеристик могут рассказать о его хозяевах.

Дорожки, аккуратно выложенные по краям ярким битым кирпичом, клумба с цветочными часами ничуть не хуже, чем в любом городском парке (сколько кропотливого труда и бережного ухода она требует!), идеально ровно выкопанные канавки для стока воды, а главное — главное, что отметил про себя майор Трегубов ещё два дня назад, — нигде не было видно «диких», протоптанных в траве нангосок, как попало, тропинок — лишь бы, мол, покороче, поскорее — ни от учебных классов к танковому парку, ни от казарм к столовой или клубу... Даже если бы он не знал полковника Коновалова, уже по одной этой мелочи можно было безошибочно определить, что командир здесь — человек строгий, не терпящий расхлябанности и умеющий добиваться своего...

Постучавшись, вошёл начальник штаба, Щербинин, высокий, сутулый подполковник с застенчивой улыбкой.

— Товарищ майор, вы просили план занятий на ближайший месяц. Я принёс.

— Спасибо, спасибо... — рассеянно сказал майор Трегубов, не отрываясь от окна.

Возле штабного крыльца разговаривали два офицера, и в одном из них ему вдруг почудилось что-то очень знакомое. Офицер стоял вполоборота, и Трегубов не мог хорошенько разглядеть его лицо, но эти быстрые жесты, эти движения рук, которыми он сопровождал свои слова, Трегубов когда-то, где-то уже видел... Но где?

Сейчас, сейчас он вспомнит... Память не должна была его подвести, он тренировал её так же, с таким же упор-

ством и настойчивостью, как тренировал изо дня в день своё тело.

Север? Учения? Ленинград?.. Нет, не то, не там это было. Училище?.. Училище... Постой, постой...

Афонин? Неужели Афонин?

Он все-таки колебался. Слишком много прошло времени.

— Петр Николаевич, — сказал он Щербинину, — этот человек кажется мне знакомым. Его фамилия Афонин?

— Так точно, он самый. Капитан Афонин.

Уже потом Трегубов смог припомнить, что нотки раздражённости прозвучали в голосе начальника штаба, когда он произносил эту фамилию, но это припомнилось только после, спустя время, а тогда он просто не обратил внимания на то, каким тоном была сказана эта фраза.

Когда начальник штаба вышел, Трегубов поднял трубку и позвонил дежурному по штабу.

— Пригласите ко мне капитана Афонина, — сказал он.

Улыбка уже пробивалась, всплывала на его лице. Да он и не старался её сдерживать. Казалось, только именно этого — встречи с товарищем по училищу, с бывшим своим однокурсником, с кем вместе начинал он офицерскую службу — не хватало ему для достойного завершения сегодняшнего столь значительного и столь радостного для него дня...

2

Через несколько минут в дверь постучали.

— Да, да, пожалуйста! — весело отозвался Трегубов.

— Разрешите? — Афонин вошёл осторожно, как бы даже с некоторой неохотой, и остановился у порога.

— Здравия желаю, товарищ майор, — сказал он, поднося руку к фуражке.

— Ну, здорово, здорово, Афонин! Да ты что, не узнаешь меня?

— Как не узнать, товарищ майор. Узнаю.

Афонин по-прежнему стоял у порога, и тогда Трегубов шагнул к нему. Они обнялись. Вернее, только Трегубов обнял Афонина, а тот не успел сделать встречного движения, и потому объятие получилось неловким.

— А я смотрю из окна — Афонин или не Афонин? Афонин или не Афонин? .. — возбуждённо говорил Трегубов. — Был бы Афонин, он бы, думаю, сразу ко мне примчался...

— Да, меня теперь трудно узнать, — сказал Афонин с явно ощутимым вызовом. — Я сильно изменился.

— Есть немного, — согласился Трегубов. — Да и я ведь не молодею.

Он покривил душой. Чем дольше, чем пристальнее он всматривался в своего бывшего товарища по училищу, тем неприятнее его поражала странная перемена, которая произошла с этим человеком. Неужели человек может так разительно измениться? Двенадцать лет назад, когда они расстались, Афонин был румяным парнем, подтянутым, чистеньким лейтенантом, может быть, излишне самонадеянным, но кто из них не был самонадеянным в то время? Они были тогда так молоды, вся жизнь лежала перед ними, словно местный парк культуры и отдыха, куда они приходили и хозяевами и желанными гостями одновременно...

И теперь военная форма сидела на Афонине попрежнему ладно, но опытный глаз Трегубова сразу отметил и чуть грязноватые затертые обшлага кителя, и несвежий галстук. Лицо Афонина было исхудавшим, именно не худым, какими бывают лица худощавых от природы людей, а исхудавшим; даже если бы Трегубов не знал Афонина раньше, он бы всё равно без труда определил, что этот человек не всегда был таким — об этом говорила болезненная впалость щёк. И на этом исхудавшем, обострившемся лице безостановочно шевелились брови — они то вздергивались, взлетали, то опускались, то вдруг озабоченно сходились у переносицы. Но сильнее всего Трегубова пора-

зили глаза Афонина. Он уже видел однажды такие глаза. У своего отца. Тот был тяжело, безнадежно болен, но не верил в это, и всё думал, что время неправильно его лечат, — потому он и не может поправиться. В короткие минуты свиданий он говорил только об этом, и глаза его смотрели так же отчужденно, с таким же напряжённым недоверием, как смотрели сейчас глаза Афонина...

Трегубов неожиданно почувствовал смущение и непонятную скованность.

— Ну, рассказывай, — бодро произнёс он. — Что у тебя? Как жизнь?

— Нет, нет, — торопливо сказал Афонин и даже поднял перед собой руки ладонями вперёд, словно отталкиваясь. — Я сам ничего рассказывать не буду. Пусть уж другие сначала вам расскажут, товарищ майор.

Трегубов поморщился.

— Зачем же так официально? — сказал он. — На службе — другое дело. А так... Мы же на ты всегда были. Из одного котелка, как говорится, хлебали, одними шпаргалками пользовались...

Он сказал это просто так, ради шутки, пытаясь расшевелить Афонина, на самом деле он никогда не прибегал к помощи шпаргалок, просто считал это ниже своего достоинства, всегда казалось ему унижительным — таясь и оглядываясь на преподавателя, торопливо выискивать нужные формулы. Да и не было никогда в этом особой необходимости — никогда не мог он пожаловаться на свои способности.

— Так что давай-ка по-старому, — сказал он Афонину.

— Неловко как-то... — отозвался Афонин. — Не привык я. Да и слишком большая теперь между нами дистанция. Ты (всё-таки он пересилил себя, произнёс, выговорил это «ты») ... ты вон куда вознёсся, а я так в ротных и застрял. Как вечный студент. Сначала молод был — не выдвигали. Теперь стар. Так до пенсии и буду тянуть.

На днях я ведь рапорт подал — прошу, чтобы перевели меня в другую часть.

— Да расскажи ты толком, что случилось?

— Нет, нет, — опять с той же нервной торопливостью проговорил Афонин. — Сам я ничего не хочу рассказывать. Пусть у вас будет объективная, — он специально выделил, сделал нажим на это слово «объективная», — информация.

Он замолчал, но тут же вдруг заговорил снова.

— Вы же знаете мой характер. Я же таким и остался, каким был. Я правду в глаза никогда не боялся говорить и теперь не боюсь. А для кое-кого здесь — это нож острый. Ну, ничего, пусть моя жизнь не сложилась, зато одно я могу сказать твердо: против своей совести я никогда не шёл...

— Ну, а конкретней? — прервал его Трегубов. — Объясни ты, наконец, в чём всё-таки дело?

«Вот тебе и внешнее благополучие полка! — подумал он. — Чего оно стоит, если за ним скрывается чёрт те что...»

— А-а... это долгая история... Вот будете разбираться с моим рапортом, я приду к вам на приём, как к командиру полка, и тогда уж всё выложу...

«Пожалуй, Афонин, прав», — подумал Трегубов. Теперь он и сам начал уже ощущать некоторую двойственность своего положения. Не думал он, не думал, что эта встреча выйдет такой...

— Ну, а как семья твоя, как супруга? Клава, кажется?

Афонин махнул рукой.

— А-а...

И в этом его жесте было столько раздражения, столько безнадежности, что Трегубов больше ни о чём не стал расспрашивать. Только сейчас он заметил, что они разговаривают по-прежнему стоя, и сказал:

— Может, присядем?